

ТОВАРИЩИ МОРЯКИ ВОЛЖСКОГО
ФЛОТИЛИИ

Вчера явившись в штаб Флотилии на пароход "Илья Муромец", я был поражен той картиной, которая открылась моим глазам. На пароходе, как на проходном дворе много посторонней публики, караул не проверяет пропусков, да этих пропусков и не существует. Ходит всякий, кто хочет, разговаривает о чем хочет, уходит, когда вздумается. Все остальное, впрочем, такое же вид. Хозяин на корабле неизвестен. Кто расстается с судами, без разрешения для связи - выяснить невозможно. Кого - то куда-то послали по неизвестному чьему распоряжению. Последние оставили где-то катер, надеясь, что его пригонят другие. Никакой организации, никакого чувства ответственности. На пароходе, который служит местом работы военно-морского штаба, много женщин, детей.

При таких условиях сколько можно серьезная деловая жизнь совершенно невозможна. Еще менее возможно сохранить какую-либо военную тайну. Во время моего пребывания на корабле командир Маркин пригласил механика, который никак не мог пустить в ход мотора. - "Это всякий раз у нас так" - вслепил комиссар Маркин: "когда нужно ~~уходить~~ с позиции, моторы работают прекрасно; а когда нужно идти на позицию, моторы сразу ~~бастуют~~."

Товарищи моряки. Такой порядок невозможен. При таком порядке флот не боеспособен, не жизнеспособен. И не даром все обращает внимание на то, что наша новая флотийная флотилия работает в высшей степени вяло, лениво, без энергии и без успеха. Когда нет надлежащего порядка в центре, не может быть твердой энергичной работы и на судах. А между тем мы ведем серьезную борьбу, великую борьбу, поистине борьбу не за жизнь, а за смерть. Если мы возьмем сейчас Казань, враг отбегает у нас Нижний и соединится с англо-французскими бандитами на Архангельском побережье. Тогда у нас будет общий фронт. Тогда наше дело кра не затруднится. И тогда, можно сказать с некоторой уверенностью, немцы начнут наступать с запада и с юга.

... (...) ... / чело-словоном и англо-французском ... фронт на почве России. Мы, рабочие и крестьяне советской республики оказываем два огня: - англо-французский, чело-словоном, белогвардейцы на северо-востоке, германский на западе и юге. Между этими двумя огнями погибает наша молодая республика. Самый дикий буржуазный произвол воцарится на наших городах и деревнях, и все завоевания, обретенные величайшими мучениками, среди которых было много борцов моряков, окажутся потерянными на десятилетия.

Товарищи моряки. Я призываю вас всех вдуматься, в то положение которое сейчас создается у нас в стране. Если вырвется Казань, то этот разрыв вырвет фронт. Симбирск и Самара падут сами собой. Англо-французский ничтожный десант не будет нам страшен. Между нами не будет наступать, раз нового фронта не образуется в России. Все интересы нашей страны требуют от нас мобилизации всех сил для боя за Казань.

Товарищи моряки. Подтянитесь. Выкиньте вон журнальнички, если они есть в вашей среде, выметите прочь неряшливость, неаккуратность, халатность. Все должно быть поставлено на боевую ногу. Ни одной минуты не тратить даром, ни одной пяди не уступать. Захватывать у врага все, что можно. Вести борьбу смело, мужественно, наступая. Кто не рискует, не выигрывает никогда.

Братски беру вашу руку, товарищи моряки.

Народный Комиссар по морским делам

Труцки.